

Е Цзы сидел на кровати, в комнате царилась кромешная тьма. Снаружи Кролик убирал место преступления, то и дело издавая скрежещущие и глухие стучащие звуки. Е Цзы не знал, что именно тот делал, да и, по правде говоря, ему было всё равно. В электронном почтовом ящике уже лежало новое письмо, полученное вчера вечером. В нём содержалась информация о пожилой женщине — такая же подробная, до мельчайших деталей, как и в случае с Цзян Вэй. Е Цзы то включал экран телефона, то выключал его, заставляя свет в темноте то вспыхивать, то гаснуть. Наконец он отшвырнул телефон в сторону, ссутулился и запустил пальцы в волосы. Господи, что же произошло? Что стряслось? Вот бы всё это оказалось лишь сном! Что же теперь делать? Как быть?

Неизвестно, сколько прошло времени, когда раздался стук в дверь. Затем дверь отворилась, внутрь просочился тускло-жёлтый свет, пятно которого постепенно расширялось. Кролик, на одежде которого не было ни капли крови, шаг за шагом приближался к Е Цзы. Его волосы были ещё влажными, капли воды стекали по прядям и падали на пол, разнося благоухающий аромат шампуня. Он обеспокоенно спросил:

— А-Цзы, ты в порядке?

Е Цзы по-прежнему сидел, опустив голову и перебирая волосы, его голос был хриплым:

— Конец.

— Чему конец?

— Всё кончено, нас поймают.

— Не поймают...

Кролик не успел договорить, Е Цзы перебил его. Голос Е Цзы постепенно повышался, тело била мелкая дрожь:

— Записи с камер видеонаблюдения — неопровержимые улики. Есть видео, как она вошла в мой дом, но не выходила. Охранник тоже может дать показания. Может быть, по дороге она встретила знакомых, может, кто-то на рынке запомнил её или видели соседи. Имея доказательства, полиция сможет провести обыск, а на полу, на диване останутся следы крови...

Кролик присел на корточки перед Е Цзы, поднял на него глаза и тихо произнёс:

— Этого не будет. Я всё проверил: камеры наблюдения в твоём доме сломаны уже несколько месяцев, никто их не чинил. Охранник новенький, к тому же он постоянно сидит в телефоне, вряд ли он запомнил твою девушку. Она пришла очень рано, людей было мало, соседи её тоже вряд ли видели.

— Телефон! Телефон! Где её телефон? Она писала мне сообщения, а по телефону можно отследить местоположение... — Глаза Е Цзы округлились, дрожь в теле усилилась. — Уличные камеры не могли сломаться... Она могла сообщить родителям или друзьям, куда идёт... И ещё... в этот раз мы совершенно не подготовились...

Кролик резко схватил Е Цзы за плечи и повысил голос:

— Успокойся, а-Цзы! Убийца не ты, а я. Даже если кого-то и поймают, то меня, а ты здесь ни при чём.

— Как я могу быть ни при чём...

— Ты должен мне верить! — Кролик пристально посмотрел в глаза Е Цзы и прошептал: — Что бы ни случилось, я не дам тебя в обиду. Я говорил, что защищу тебя. Поэтому верь мне, а-Цзы, тебе не о чем беспокоиться и нечего бояться.

Исчезновение Не Хайся вызвало в университете большой переполох. Её родители несколько раз устраивали громкие скандалы у ворот кампуса — ведь их дочь пропала в то время, когда у неё должны были быть занятия. Е Цзы продолжал ходить на лекции и сдавать экзамены, напуская на себя спокойствие. Но на самом деле он начал панически бояться полицейских: стоило ему увидеть человека в форме, как казалось, что тот пришёл именно за ним. Каждую ночь ему снился кошмар — один и тот же.

Во сне всё было белоснежным, он не чувствовал собственного существования, словно всё исчезло. Затем через окна и двери начинали просачиваться высокие чёрные тени, пока, о чём-то оживлённо перешёптываясь, не окружали его плотным кольцом. Потерев глаза и приглядевшись, он обнаруживал, что все они — кролики: большие, маленькие, смеющиеся, плачущие, истекающие кровью.

Е Цзы таял на глазах. Однажды, случайно взглянув в зеркало в университетском туалете, он заметил, что его кожа стала мертвенно-бледной, под глазами залегли глубокие тени, волосы спутались, а на подбородке пробилась щетина. Весь его вид напоминал несчастного, неизлечимо больного человека.

Разумеется, однокурсники тоже заметили в нём перемены, но все сочли, что это из-за исчезновения его девушки — слишком уж он был убит горем. Многие утешали его, уверяя, что она обязательно вернётся. Взрослые люди иногда внезапно сбегают от реальности, уезжают подальше развеяться, и все твердили, что Не Хайся вернётся.

Спустя десять с лишним дней полиция начала расследование в университете. Е Цзы, конечно же, стал одним из главных подозреваемых: его допрашивали трижды. Один полицейский даже приходил к нему в квартиру. Во время третьего допроса Е Цзы действительно хотел отбросить всё, чему его учил Кролик, и признаться. Потому что он и правда совершил ошибку. Они с Кроликом уже отняли три жизни. Какой смысл и дальше влачить жалкое существование, живя в такой депрессии?

Но внезапно зазвонил его телефон. Это была мама. Увидев, что офицер напротив кивнул, Е Цзы ответил на звонок. Голос матери в трубке звучал всё так же ласково:

— А-Цзы, почему ты в последнее время не заходишь к маме поужинать? Я привезла кучу гостинцев специально для тебя. У тебя есть пары после обеда?

— Нет.

— Что случилось? Почему голос такой хриплый, простыл?

— Нет...

— Я сегодня купила говядину с побегами бамбука и свиные рёбрышки с морской капустой — всё, как ты любишь. Приходи ужинать? У нас с дядей... нет, с папой, есть для тебя хорошие новости.

— Угу...

Этот звонок спас Е Цзы. Он проглотил слова правды, готовые вырваться из горла.

Наконец его отпустили из полиции. Переступив порог дома матери и дяди, увидев висящую у двери музыку ветра, вдохнув аппетитные ароматы и глядя, как сияющая мать в фартуке идёт к нему, чтобы подать тапочки, как дядя откладывает газету, кивает ему и с теплотой расспрашивает об учёбе и здоровье, — несколько раз Е Цзы чувствовал, что вот-вот расплачется. В этот момент ему до боли захотелось вернуться в детство.

Натворил дел в школе, пришёл домой — папа отругал, шлёпнул по попе. Стоит извиниться — и тебя простят. Хочешь плакать — плачь сколько влезет, без оглядки. Ты единственный ребёнок в семье, их сокровище, если ты плачешь, они беспокоятся и утешают. Папа положит тебе еды в тарелку и скажет: «Ладно, впредь просто не делай так». Мама после еды принесёт любимое мороженое, а вечером поведёт гулять и поболтать по душам...

Как было бы хорошо, если бы он был родным ребёнком папы и мамы. Будь он их родным сыном, его бы никто не заменил. Будь он родным, ему не пришлось бы уходить из того дома вместе с мамой. Будь он родным, мама не встретила бы ту скотину, и ему самому не пришлось бы убивать этого ублюдка, не пришлось бы убивать другого, совершенно постороннего человека, не возникло бы желания убить, и он не совершал бы ошибку за ошибкой...

— О чём задумался? — спросил дядя.

Е Цзы улыбнулся:

— Ни о чём, просто подумал, что гостинцы, которые вы привезли, очень вкусные.

— Это имбирные конфеты. Твоя мама сказала, что ты любишь сладкое, вот мы и купили побольше. В следующий раз, если поедем путешествовать, поедешь с нами, тогда сам выберешь, что тебе нравится.

— Хорошо, папа.

Мужчина, услышав слово «папа», на мгновение опешил, а затем радостно рассмеялся. Мама принесла целую гору фруктов:

— Почему ты так похудел? Да и вид у тебя неважный. В столовой плохо кормят? Или опять допоздна засиживаешься? Если еда плохая, приходи к нам, твой папа редко обедает дома, а мне одной есть скучно.

— Угу... — Е Цзы уткнулся лицом в ладони, делая глубокий вдох. Одному богу известно, каких усилий ему стоило не разрыдаться. Одному богу известно, как сильно он хотел снова стать тем беззаботным ребёнком, который мог бы вцепиться в подол материнского платья и выплакать всё, что на душе. Но нельзя. Он уже взрослый, он не хотел их тревожить.

Спустя некоторое время Е Цзы поднял голову, лицо его уже было спокойным. Он тихо спросил:

— Кстати, мама, ты говорила, что у тебя есть хорошая новость. Какая?

Лицо матери неожиданно залилось румянцем:

— А-Цзы, скоро у тебя будет сестрёнка.

Е Цзы изумился:

— Ты беременна? Какой срок?

— Четыре месяца!

— Как здорово... Поздравляю вас.

Е Цзы был рад за мать. Наконец-то её новая семья стала полной: у неё новый муж, и скоро будет дочь. Как замечательно. Но вместе с тем его охватила какая-то необъяснимая тоска. Его, приёмного ребёнка, наконец-то снова заменят родным. Зачем он теперь нужен? Действительно, никто никогда не выберет его, не так ли?

В тот же миг, как эта мрачная мысль нахлынула, Е Цзы силой прогнал её. Какой же ты эгоист. Это ведь прекрасно. Просто прекрасно. В будущем, даже если его действительно поймут и расстреляют, о матери будет кому позаботиться.

Е Цзы остро чувствовал, что ему нужно развеяться. Проиригнорировав сообщения в телефоне, в один из выходных он сел на автобус и доехал до конечной остановки — туда, где любил бывать в детстве. Увы, от того, что когда-то можно было назвать лесом, почти ничего не осталось. Холмы по большей части были изрыты экскаваторами, у подножия одной из гор громоздилась свалка, а фермерские поля теснились друг к другу, словно жалко распластанная на земле рыба, с которой содрали почти всю чешую.

Е Цзы шёл по горной дороге, вокруг была лишь бурая земля, изредка попадались персиковые деревья. Прохожие толпились вокруг них, чтобы сфотографироваться: они радостно ломали ветки, принимали красивые позы перед камерой, а потом небрежно бросали цветы на обочину.

А ведь он помнил время, когда здесь всё было густо засажено деревьями. Высокие вязы, кассии, гледичии, кизил. Он любил лазать по деревьям, разорять птичьи гнёзда, любил вытаскивать сердцевину из бамбука — няня говорила, что её отвар помогает от жара. Любил собирать пустые оболочки цикад, ловить всякую живность: сверчков, бабочек, золотых жуков, улиток. Вдоль дороги росло много дикой земляники и шелковицы, поешь их — и весь рот станет фиолетовым, жутковатое зрелище...

Наконец Е Цзы добрался до места, которое ещё не успели уничтожить. До чего же здесь красиво, совсем как в детстве! На обширных лужайках цвели неизвестные цветы: алые, оранжевые, золотисто-жёлтые. У реки, среди тонкой травы по колено, распускались фиолетовые полевые цветы, источая дивный аромат. Высокие деревья, изумрудно-зелёные мягкие кустарники и огромные валуны отражались в воде. Если приглядеться, можно было заметить, что пруд зарос густыми зелёными водорослями, среди которых, пуская пузыри, сновали крошечные рыбки.

Е Цзы сел на траву. Стебельки вокруг колыхались на ветру, и, когда он касался их рукой, ощущалась прохлада. Не удержавшись, он лёг и тыльной стороной ладони прикрыл глаза. Привыкнув немного, прищурился и посмотрел на небо цвета индиго: облака словно рисовали узоры на синей бумаге — стоило кисти, напитанной влагой, коснуться листа, как белая краска растекалась, и один за другим распускались молочно-белые цветы. Стоило слегка подуть на капли воды, попавшие на холст, как появлялись волокнистые следы, похожие на нити, вытянутые из ваты. Повеял лёгкий ветерок, тысячи листьев задрожали, издавая шелест. Е Цзы вздохнул и тихо произнёс:

— Выходи уже. Не устал там стоять?

Кролик, всё это время тайком стоявший за большим деревом и наблюдавший за Е Цзы, удивлённо вышел. Он присел на корточки рядом, чувствуя себя неловко и мучительно соображая, что бы такое сказать, чтобы не расстроить его, а утешить. Но Е Цзы лишь слегка повернулся на бок и закрыл глаза, сказав:

— Молчи.

Кролик тут же проглотил все слова, что вертелись у него на языке. На ветру он неотрывно смотрел на профиль Е Цзы, на его слегка растрёпанные чёрные волосы, на красивую форму ушной раковины. На этот образ можно смотреть сколько угодно — он никогда не надоест.

Спи спокойно, а-Цзы. Спи хоть до заката, хоть до ночи, хоть до завтрашнего дня — неважно. Я буду здесь, рядом с тобой.

<http://bllate.org/book/14916/1575440>